

УДК 81.33
ББК Ш1(81)

Н.В. Карповская

**КОГНИТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ СРЕДСТВ
КАТЕГОРИИ
ИНТЕНСИВНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ПРОЦЕССА
МЕТАФОРИЗАЦИИ
(на материале интенсификатов
испанского и русского языков)**

В статье исследуются проблемы интенсивности как лингвопрагматической категории, а также влияние процесса метафоризации на реализацию когнитивного и прагматического потенциалов в тексте оригинала и перевода. В центре внимания – интенсификаты, одно из средств выражения категории интенсивности атрибутивного признака, специфика прагматических отношений в процессе двуязычной коммуникации и определение когнитивно-прагматического потенциала языковых единиц. Рассматривается специфика реализации интенсификатов в рамках фразеологизмов и компаративных структур.

Ключевые слова: *когнитивно-прагматический потенциал, метафоризация, интенсификаты, лингвопрагматическая категория, прагматический эффект.*

Карповская Наталья Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 545-31-55; +7-928-214-84-57
E-mail: nat0208@donpac.ru, nkarpovskaya@sfedu.ru

В современном языкознании понятие «интенсивность» относится к числу широко используемых, однако его содержание и лингвистический статус определяются весьма разноречиво. Большинство исследователей сходится только в том, что интенсивность есть выражение *усилительности*, представляющей собой один из видов *количественной характеристики признака*.

Сравним данное утверждение с заключением Е.И. Шейгал о том, что категория интенсивности, «обозначая приближенную количественную оценку качества, является частным проявлением категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределенное) количество...» [Шейгал, с. 6], а также с тезисом Г. Эрреро Морено, который отмечает, что адресант, движимый желанием сделать речь более экспрессивной, стремится выделить отдельные элементы коммуникации при помощи их интенсификации [Herrego, с. 40]. В более поздних лингвистических исследованиях прослеживается тот же широкий подход к данному понятию. Однако при этом наблюдается тенденция к подчеркиванию специфических характеристик данной категории. Так, А. Брис Гомес полагает, что средства интенсификации, представляя собой стратегические, прагматические средства для выделения и усиления того, о чем говорится, одновременно способны передавать чувства, эмоции адресанта, выражать его согласие или несо-

гласие, как в глобальном плане, так и относительно того или иного момента речи [Briz, p. 142].

Многими современными исследователями признается двойственная природа категории интенсивности. Если ее сущность как *общегносеологической* категории видится, прежде всего, в указании на *объективную* количественную определенность того или иного признака, то второе предназначение интенсивности осмысливается как отражение субъективного отношения говорящего к явлениям и событиям. Категория, таким образом, служит средством языковой оценки отправителем речи тех или иных характерных и характерологических признаков. Впервые на «логическое» и «эмоциональное» восприятие интенсивности указал Ш. Балли, употребив термин **«интенсивность»** по отношению к экспрессивным фактам языка [Балли, с. 202–204].

В настоящей работе *интенсивность атрибутивного признака* рассматривается не как экстралингвистическая, а как *лингвопрагматическая* категория, как понятие экспрессивной стилистики, под которым понимается количественная характеристика качественной стороны речи, количественное отражение того, насколько экспрессивное возвышается над ее предметно-логическим содержанием. В качестве одного из главных назначений категории интенсивности, наряду с отражением *субъективного* отношения коммуникантов к явлениям и событиям, в данном случае, выступает *воздействие* на адресата.

Передавая субъективное восприятие степени проявленности признака, интенсивность служит мерой его экспрессии и является частным проявлением *категории количества*, а именно той ее стороны, которая характеризуется как неопределенное количество. При этом специфику интенсивности обуславливает ее промежуточный характер между базовыми категориями количественности и качественности, что сближает указанную категорию с *градуальностью*, *мерой признака*, *недискретным количеством*, *компаративностью* и т.д. Примечательно, что в основе отличия интенсивности от перечисленных категорий лежит прагматический компонент. Что касается взаимодействия количественных и качественных характеристик в значениях средств категории интенсивности, то оно оказывается весьма непростым и приводит к неоднозначному пониманию как понятия *интенсивность*, так и его соотношения с другими смежными явлениями – такими как *экспрессивность*, *эмоциональность*, *оценочность*, *эмфаза* и т.д.

Интенсивность экспрессии градуальна, поэтому при определении прагматического потенциала средств интенсификации необходимо принимать во внимание не только их *субъективную* природу, но и *градуируемость* значения этих единиц. По мнению, многих авторов, величина интенсивности соответствует отметке на шкале, существующей как в сознании адресанта, так и в сознании реципиента. Разметка на этой шкале носит субъективный характер, так как в ее основе – восприятие и оценка индивида, однако за точку отсчета всегда принимается та величина, ко-

торая у адресанта ассоциируется с *нормой*, коллективно-субъективным представлением об обычном, нейтральном.

Несмотря на самые разнообразные мнения, существующие относительно того, какие же характеристики языковых явлений относятся собственно к прагматическим, представители всех течений и направлений сходятся в признании *субъективного фактора* в качестве определяющего для прагматических исследований. В зависимости от индивидуального характера коммуникантов и ситуации общения один и тот же знак может вызывать в представлении человека ассоциацию, предпочтительную перед прочими. Ассоциации, исходя из положения, предложенного Ю.Б. Боровым, представляют собой «непредсказуемые логикой прыжки воображения, состоящего из блока впечатлений; неожиданные сопряжения далеко отстоящих друг от друга образов явлений», которые могут возникать как путем установления похожести, так и путем отталкивания, «благодаря воспоминанию или нахождению аналогий с помощью подсознания; возникают по смежности, сходству и контрасту благодаря "перекличке" между впечатлениями бытия» [Боров, с. 156].

Однако важно подчеркнуть, что на возникновение ассоциаций влияют не только индивидуальные, но и национальные, этнические, социальные, гендерные, психологические и другие особенности представителей той или иной культуры, той или иной цивилизационной парадигмы. Согласно результатам анализа фактологического материала*, в плане категории интенсивности особое место занимают ассоциации, активизируемые в процессе метафоризации и способствующие не только более «осязаемому» постижению действительности, но и дальнейшему семантическому развитию языковых единиц и усилению их когнитивно-прагматического потенциала.

Под *когнитивно-прагматическим потенциалом* нами понимается возможность актуализации в речи не только категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы или языковой картины мира, но и тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой, способствуя тем самым формированию определенного восприятия, осмысления и познания действительности, а также достижению определенного прагматического эффекта.

При рассмотрении проблемы усиления и реализации когнитивно-прагматического потенциала средств категории интенсивности сквозь призму процесса *метафоризации* встает вопрос о сущности самого понятия метафоризация. Процесс метафоризации, представляя собой одну из основных ментальных операций и будучи одним из способов познания и объяснения мира, по мнению многих исследователей, является важнейшим фактором, определяющим специфику национальной кон-

* Результаты исследования отражены в монографии «Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка)» и др. публикациях автора.

цептосферы. Как полагает В.Н. Телия, метафоризация «сопровождается вкраплением в новый концепт знаний об уже познанном и названном объекте», оставляя «следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком» [Телия, с. 136].

Оригинальные идеи о *концептуальной метафоре*, о том, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении индивида, политическом поведении и общественной жизни, были изложены в книге Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» («*Metaphors We Live By*»). Американский лингвист представляет метафору как изначально понятийную конструкцию и приходит к выводу о том, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, так как метафоры структурируют наше восприятие, наше мышление и наши действия. Чем более абстрактна мысль, тем больше метафорических слов требуется для ее выражения. Однако для большинства людей метафора – это только поэтическое и риторическое выразительное средство. Одну из причин, почему люди не замечают метафоры, ученый видит в том, что многие метафоры стали «мертвыми», и сейчас мы уже не можем определить их происхождение [Лакофф, Джонсон, с. 387 – 415].

В контексте вышесказанного интересно положение А.В. Федорюк о том, что в последние десятилетия в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа [Федорюк, с. 53]. Неслучайно, опираясь на метафоричность понятийной системы, Х. Ортега-и-Гассет подходит к метафоре как к необходимому орудию мышления, при помощи которого нам удастся достичь самых отдаленных участков нашего концептуального поля, т.е. как к средству концептуализации действительности [Ортега-и-Гассет, с. 69 – 91]. В то же время С.Г. Кара-Мурза, подчеркивая при этом роль *ассоциативного мышления*, полагает, что метафора, всегда играя огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, иногда становилась поистине материальной силой [Кара-Мурза: URL].

Очевидно, что, несмотря на различные подходы к процессу метафоризации, всеми авторами признается тот факт, что метафора, будучи составной частью модели мира, участвует в осуществлении когнитивных операций, предполагающих соотнесение различных понятийных сфер и различных миров. Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в понимании большинства современных ученых метафоризация, с одной стороны, содействует приобретению новых знаний о мире, а с другой – способствует их языковой репрезентации, реализации интенции адресанта и достижению определенного прагматического эффекта.

Рассмотрим взаимодействие процессов метафоризации и интенсификации на примере одного из средств категории интенсивности: на уровне интенсификатов. Под *интенсификатами* чаще всего понима-

ются лексемы, не только называющие какой-либо признак, но и имплицитно содержащие в своем значении сему интенсивности, указывающую на степень проявленности признака/качества. В испанском языке *интенсификаты* несут бóльшую экспрессивную нагрузку, чем в русском языке, несмотря на близкую частотность в их употреблении. Ср.:

1. **Muerta de curiosidad**, terminó por abrir el sobre...

(Nieva F. Los rabudos y otros cuentos.)

muerta de curiosidad – умирая от любопытства (букв.: **мертвая** от любопытства);

2....*hay que enterrarlo bajo un montón de carcajadas, que es la más segura tumba de un error cualquiera...*

(Flórez W.F. Las gafas del diablo.)

un montón de carcajadas – лавина смеха (букв.: **гряда** смеха); **la más segura tumba de un error cualquiera** – самая надежная могила для любых ошибок и заблуждений (букв.: самая надежная **могила** любой ошибки).

Большую роль образная метафора играет и при интерпретации оценочных смыслов, так как образ в этом случае служит неким основанием оценки. Согласно проведенному нами исследованию свое наиболее полное выражение метафорический образ получает тогда, когда речь идет о человеке: его характерных чертах, чувствах, эмоциях, ощущениях. Ср.:

1. *Era inútil. Sólo encontró ante sí unos ojos vacíos, pozos de oscuridad...*

(Pérez-Reverte A. El Club Dumas.)

unos ojos vacíos, pozos de oscuridad – пустые глаза, омуты (колодцы) мрака;

2. *Después resultaba que en su cocina no se podía hacer nada. ¡El pícaro humo!*

(Clarín L.E. La Regenta.)

el pícaro humo – предательский (подлый) дым;

3. *...yo soy esclavo de su voluntad...*

(Clarín L.E. La Regenta.)

esclavo de su voluntad – раб своих желаний.

Необходимо также отметить, что одновременное использование нескольких членов синонимического/антонимического ряда или ЛСГ интенсифицирующего содержания, обладает большим прагматическим эффектом воздействия на адресата: *...humilde y miserable, lo mismo que hermosa y soberbia, esa ciudad será siempre para mí muy querida...* (Galdós B.P. Doña Perfecta.)...**убогий** или **красивый, жалкий** или **величественный** – он (этот город) всегда будет дорог мне... (пер. С. Вафа, А. Старостина)

Не вызывает сомнений, что прием контраста, который используется как автором ИТ, так и переводчиком, акцентирует качественные характеристики. Кроме того, благодаря соответствию когнитивно-прагматических потенциалов языковых единиц исходного текста и текста перевода, адекватность их восприятия не нарушается.

Следует также иметь в виду, что синоним/антоним в индивидуальном авторском осмыслении может вырваться из общеязыкового узуса и, как пишет А.А. Брагина, «дать новые семантические "ростки"», сближаясь с иными синонимическими рядами или даже становясь в антонимическую оппозицию [Брагина, с. 74], например:

*Ha sido el mayor **error** de mi vida, una **locura** que tengo que pagar, lo reconozco.*

(Nieva F. Los rabudos y otros cuentos.)

Ср.: *error de mi vida* – ошибка, совершенная в жизни; *locura* – помешательство.

В плане раскрытия подобных возможностей интересны такие единицы информационной структуры, как *прототипы*, передающие типовое представление в отношении обозначаемого и соответствующие «некоторой универсальной или культурно-национальной форме знания» [Телия, с. 95]. Выступая в роли потенциального элемента семантической структуры средств интенсификации, прототип иницирует движение к имплицированному им новому смыслу/метафорическому образу, причем движение это предсказуемо. *Градуируемость* категориальных значений интенсивности также, в значительной мере, определяется прототипом, так как именно он чаще всего принимается за точку отсчета, соответствующую нашему пониманию *обычного / ординарного / нормы качества*.

Будучи самым частотным средством интенсификации, интенсификаты активно используются в качестве компонентов таких распространенных средств усиления проявленности атрибутивного признака, как фразеологические единицы и компаративные структуры:

*Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, **каменный ты человек!***

(Тургенев И.С. Дым.)

*Pero dinos algo por v a de despedida, **hombre de pedernal!***

(trad. de F. Alted Fonseca)

Представляя собой реализацию одной из наиболее активных структур испанских ФЕ, передающих эмоционально-оценочную характеристику человека, выражение *hombre de pedernal* вызывает к себе интерес с разных точек зрения. Во-первых, это сам образ, лежащий в основе испанской и русской ФЕ, а также соответствие тех ассоциаций, которые связаны с его прототипом в той и другой метафорической картине мира. Что касается русских ФЕ типа *каменный человек*, *каменное сердце*, то они, как правило, говорят о *безжалостном*, *жестоким* или *бесчувственным* человеке, который *не испытывает* никаких чувств и эмоций или *не проявляет* их. Ср.: *каменный...2. перен.* Безжизненный, застывший. *Каменное выражение лица.* 3. перен. Безжалостный, жестокий. *Каменное сердце* [Ожегов, с. 262]. Именно неспособность испытывать чувства и проявлять свои эмоции пытаются поставить в вину Литвинову приятели, уговаривая его остаться. Для понимания коммуникативной ситуации достаточно обратиться к роману:

Литвинов рассердился бы, если б не то мертвое бремя, которое лежало у него на сердце. Он глянул на Биндасова и отвернулся молча..... – Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человек! – закричал Бамбаев. – Этак ведь нельзя!

Чтобы понять те ассоциации, которые могут возникнуть у читателей в связи с актуализацией в речи трансформированной испанской ФЕ *hombre de pedernal*, следует, в первую очередь, рассмотреть семантику слова «*pedernal*», так как метафорический образ ФЕ тесно связан с семантической двуплановостью данной лексемы: *pedernal* 1) кремь; кремневая галька 2) желвак (в пласте); включение (породы в пласте) 3) **стойкость, непреклонность, негибаемость**; *duro como un pedernal* – *твердый как кремь* [Lingvo, 12]. В других словарях мы также находим такие значения, как *кремь, крепость, твердость* [Moliner, p. 613; Mart nez Calvo, p. 1418]. Несмотря на это, М. Молинер приводит также следующую иллюстрацию реализации фигурального значения слова *pedernal*: *Tiene un corazón como el pedernal*, объясняя его через понятие *miu duro*. Ср.: *duro de corazón, de corazón duro* жесткий, черствый, бессердечный, бездушный [Испанско-русский..., с. 178].

Таким образом, *hombre de pedernal* воспринимается, скорее, как суждение о стойком, негибаемом человеке (ср.: «Этот человек – кремь»), а не как о человеке, который не привык проявлять свои эмоции. Такому пониманию данного выражения способствует и та ситуация в романе, которая была описана несколько ранее, когда Бамбаев восторженно произнес, увидев Литвинова: «*Видите этого человека? Это – **камень!** Это скала!! Это гранит!!!*» Однако выражение *hombre de pedernal* привлекает к себе внимание не только своей семантической двуплановостью. Несмотря на то что мы имеем дело с преобразованной ФЕ, из-за распространенности данного структурного типа, трудно определить, от какого именно фразеологизма отталкивался автор перевода, заменяя образный компонент. Это может быть и *hombre de barba*, и *hombre de buenas (malas) entrañas*, etc.

Образные метафоры на основе речевых прагмем-интенсификатов в следующих ФЕ не только способствуют достижению определенного прагматического эффекта, но и свидетельствуют об определенном пересечении когнитивных моделей автора и переводчика:

1. *Это золотое сердце, истинно **ангельская** душа.*

(Тургенев И.С. Дым.)

*Es un corazón **de oro**, un alma **angelical**.* (trad. de F. Alted Fonseca)

2. *Un ave **de mal agüero**.* (Alarcón P.A. El sombrero de tres picos.)

***Зловещая** птица.*

(пер. Н. Томашевского)

3.... *una especie de transparencia, digo, por la cual todas las **honduras de su alma** se veían claramente; **honduras** no cavernosas y horribles **como las del mar**, sino **como las de un manso y claro río**.*

(Galdós B. P. Doña Perfecta.)

*Я говорю о той прозрачности, сквозь которую ясно проступает **глубина человеческой души**: не страшная и опасная глубина моря, а спокойная и прозрачная глубина реки.* (пер. С. Вафа, А. Старостина)

Как мы видим, в третьем примере в тексте перевода вместо эксплицитного сравнения появляется имплицитное, что, без сомнения, приводит к уменьшению интенсивности признака.

Изучение прагматических характеристик *сравнительных конструкций* наряду с выявлением прагматического потенциала *интенсификаторов* представляет особый интерес как в плане актуализации образной метафоры, так и в контексте внимания лингвистов к проблеме образа человека в языковой картине мира. У современных исследователей не вызывает сомнений тот факт, что личность адресанта отражается в речи независимо от того, о чем или о ком он говорит. Однако, как было отмечено ранее, именно в тот момент, когда человек говорит о человеке, метафорический образ обретает свое абсолютное, цельное выражение, ср.:

*Ирина стала вдруг **повадлива**, как овечка, **мягка как шелк** и бесконечно добра.* (Тургенев И.С. Дым)

*Irene se había vuelto de pronto **dulce como un cordero, flexible como la cera** y de una igualdad de carácter perfecta.* (trad. de F. Alted Fonseca)

Несмотря на то, что интенсификаты ФЕ оригинала и перевода активно содействуют реализации авторской интенции и обладают сходным прагматическим потенциалом, их когнитивный потенциал говорит нам о специфике национальной концептосферы писателя и переводчика. В испанском переводе: **dulce** – нежный, мягкий (прототип), в то время, как **flexible como la cera** – букв.: податливый (уступчивый) как воск.

Итак, сравнительные конструкции и ФЕ с интенсификатами, предлагая более развернутый и конкретно представленный признак, способствуют реализации в речи стилистической и оценочной функций, а также воплощению прагматической установки автора. Следует отметить, что переводческие трансформации, на которые в данном случае большое влияние оказывает *субъективный фактор* и особенности *культурно-национальной ментальности*, часто приводят к изменению степени экспрессивности признака, а значит, и к изменению когнитивно-прагматического потенциала языковой единицы, что нередко влечет за собой другой перлокутивный эффект высказывания, например:

Страшная, темная история... (Тургенев И.С. Дым)

*¡**Espantosa, terrible** historia!* (trad. de F. Alted Fonseca)

В данном случае усиление одного признака в ПТ (признака *страха*) приводит к потере другого: *темная история*, в понимании И.С. Тургенева, *неясная история*, *история полная страшных тайн*, в то время как *terrible* означает «просто» *ужасная*. Не вызывает сомнений то, что немаловажную роль в переводческом процессе играет понимание прагматической установки и интенции автора. Результаты проведенного нами исследования доказывают, что отбор интенсификаторов неодинаково производится лицами, говорящими на разных языках. Вследствие этого в процессе перевода и в условиях межкультурной коммуникации

появляется опасность столкновения с «чужим» представлением о мире и проявляется сущность различий между словарными соответствиями исходного языка и языка перевода.

В плане нашей работы важен тот факт, что рассматриваемые нами средства интенсификации, реализуя свой прагматический потенциал, довольно часто становятся метафорическими образованиями. Образная метафора является средством создания усилительного значения, а тем самым неотъемлемым, ярким элементом системы технологий речевого воздействия, и в других приведенных ранее высказываниях.

Не в различии языков, а в различии когнитивных моделей и национальных сознаний коммуникантов чаще всего заключается главная причина непонимания при межкультурном общении. Кроме того, имеется вероятность изменения степени проявленности признака и меры экспрессии, что, как правило, приводит к искажению функционально-стилистических параметров исходного текста и нарушению прагматической установки автора. По этой причине при переводе следует принимать во внимание интенции и ожидания новых адресатов другой метакультуры.

Во многих приведенных выше примерах для интенсификации признака и создания эффекта экспрессивности авторы использовали образность, основанную на сравнении. Способность механизмов метафоризации сопоставлять на основе подобия и сходства, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает продуктивность метафоры как средства создания значения интенсивности [Федорюк, с. 55]. Кроме того, метафора, как полагают многие исследователи, будучи одной из когнитивных моделей познания, способна отражать специфику культурно-национальной ментальности и национальной концептосферы. Таким образом, *прагматический и когнитивный потенциалы* интенсификата не только обуславливают *различный прагматический эффект* высказывания в различных коммуникативных ситуациях, но и определяют его богатые возможности в плане метафоризации, играющей важную роль в концептуализации действительности, интерпретации оценочных смыслов и реализации стратегий речевого воздействия.

Литература

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Русь-Олимп; АСТ, 2005.
Брагина А.А. Синонимы стилевые и стилистические // Филологические науки. 1976. № 2.
Испанско-русский фразеологический словарь. Diccionario fraseológico español-ruso / под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Русский язык, 1985.
Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция сознанием» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul20.htm> (дата обращения: 08.02.2012).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1999.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996.

Федорюк А.В. Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск: ИГЛУ, 2001.

Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1981.

Электронный словарь ABBYY Lingvo 12 Mobile Travel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 01.07.2015).

Briz Gomez A. El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragmatogramática. Barcelona: Ariel, 1998.

Herrero Moreno G. Procedimientos de intensificación – ponderación en el español coloquial // Español Actual, № 56. Madrid: Ed. Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1991.

Martínez Calvo L. Diccionario español – ruso. Barcelona: Sopena, 1975. 1916 p.

Moliner M. Diccionario de Uso del Español. Madrid, Gredos, 1999, 2 vols. 1519; 1597 pp.

References

Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. M., 1961.

Borev Yu.B. Estetika. M.: Rus'-Olimp: AST, 2005.

Bragina A.A. Sinonimy stilevye i stilisticheskie // Filologicheskie nauki. 1976. № 2.

Ispansko-russkii frazeologicheskii slovar'. Diccionario fraseológico español-ruso / pod red. E.I. Levintovoi. M.: Russkii yazyk, 1985.

Kara-Murza S.G. «Manipulyatsiya soznaniem» [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul20.htm> (data obrashcheniya: 08.02.2012).

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 4-e izd., ispr. i dop. M.: Azbukovnik, 1999.

Ortega-i-Gasset Kh. Dve velikie metafory // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990.

Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shk. «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.

Fedoryuk A.V. Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty frazeologicheskikh intensifikatorov v sovremennom angliiskom yazyke: dis.... kand. filol. nauk: 10.02.04. Irkutsk: IGLU, 2001. 198 s.

Sheigal E.I. Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliiskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / MGPIIYa im. M. Toreza. M., 1981.

Briz Gomez A. El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragmatografía. Barcelona: Ariel, 1998.

Herrero Moreno G. Procedimientos de intensificación – ponderación en el español coloquial // Español Actual, № 56. Madrid: Ed. Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1991.

Elektronnyi slovar' ABBYY Lingvo 12 Mobile Travel [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.lingvo.ru/> (data obrashcheniya: 01.07.2015).

Martínez Calvo L. Diccionario español – ruso. Barcelona: Sopena, 1975.

Moliner M. Diccionario de Uso del Español. Madrid, Gredos, 1999, 2 vols.

Karpovskaya N.V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cognitive and pragmatic potential of intensity category means through the process of metaphorization (on the material of intensifiers in Spanish and Russian)

The article deals with the interaction of processes and intensification of metaphor. Intensifiers are understood as lexemes that not only indicate a feature, but also implicitly contain in its meaning this intensity that indicates the degree of manifestation of feature/quality.

They are widely used as components of phraseological units and comparative structure that contribute to the realization in the speech stylistic and assessment functions, as well as the embodiment of a pragmatic setting of the author. However, as the translation to the transformation of the subjective factor influences cultural features of national mentality, they often lead to changes in the degree of expressive feature, and hence a change in cognitive-pragmatic potential linguistic unit.

Within the category of intensity associations occupy a special place that are activated in metaphor and contribute not only to a more “tangible” comprehension of reality, but also further semantic development of language units and enhancing their cognitive and pragmatic potential, under which we mean the possibility of actualization in speech not only categorical values inherent in the language units as elements of the language system and language picture of the world, but the implicatures that can occur in interaction with verbal language environment, thereby contributing to the formation of certain perception, understanding and knowledge of reality, as well as the achievement of certain pragmatic effect.

Keywords: *cognitive-pragmatic potential, metaphorization, intensifiers, linguapragmatic category, pragmatic effect.*

Karpovskaya Natalya Valerievna – candidate of philology, professor assistant. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern Federal University.

Phone: 8 (863) 545-31-55; +7-928-214-84-57

E-mail: nat0208@donpac.ru, nkarpovskaya@sfned.ru